

Николай Вехов,
кандидат биологических наук

Иллюстрации из
архива автора

Становая изба на северном берегу залива
Абросимова. Фото 1996 г. Жилой дом и баня;
рядом — проточное озеро с пресной водой. На
мысу за жилым домом — промышленный навес

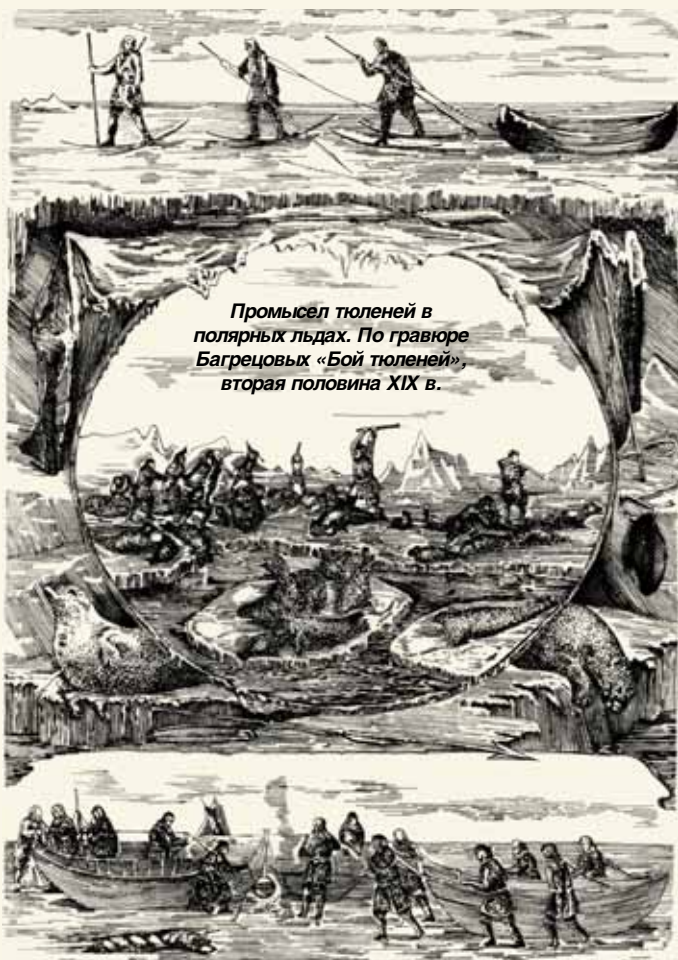
Охотничьи ресурсы и промышленное хозяйство НОВОЙ ЗЕМЛИ

Почти шестьдесят лет назад закончила отсчет времени «биография» единственного в мире арктического охотничье-промыслового хозяйства. Оно сложилось стихийно в 1870-х годах, когда по инициативе архангельских губернаторов Н.А. Качалова и Н.П. Игнатьева огромный, 900-километровый по широте, архипелаг власти решили заселить ненцами, тем самым, обозначив свое присутствие в этом ещё безлюдном регионе и «приписав» его к России. Хотя Новая Земля и сопредельные морские акватории «де-юре» числились за России, но «де-факто» они были «ничьими». И этот «бесхозный» регион на рубеже XVIII–XIX веков стал лакомым кусочком для ненасытных европейских зверобоев — норвежцев, англичан и датчан. В 1930–1950-х годах охотничье-промысловая деятельность в столь высоких широтах Арктики, да ещё при беспрецедентном по объёму государственном финансировании, была доведена до совершенства. Но в 1954 г. вся эта отлаженная хозяйственная система вдруг прекратила свое существование. А почему, как и об истории создания этого хозяйства, его деятельности, назначении, добыче морского зверя и птицы, рыбы и тюленей, я расскажу в этом очерке.

Прибрежные мелководья омывающих архипелаг Карского и Баренцева морей с XVI века, с того времени, когда их «открыли» для всего мира голландские мореплаватели, ведомые отважным Виллемом Баренцом, славились большими стадами атлантического моржа, образующего временные скопления на суше и залежки на льдах. В историческом прошлом численность животных на каждом из лежищ достигала нескольких сотен и даже тысяч животных. На удаленных от архипелага участках

Баренцева и Карского морей встречались 13 видов китов и дельфины. Промысловое значение среди них имели сейвал, малый полосатик, синий, горбатый, гренландский и серый киты, кашалот, высоколобый бутылконос, белуха, нарвал, косатка и морская свинья. Многочисленные стада белухи были типичной картиной для акваторий обоих морей до середины XIX века. В этот же период обычными обитателями омывающих архипелаг морей были тюлени - наблюдалась высокая численность морского зайца, кольчатой нерпы, гренландского тюленя, хохлача, устраивавших массовые скопления, особенно в зимний период, на прибрежном льду.

Пушные звери — песец и новоземельский подвид северного оленя, встречались на всем архипелаге, от Южного до Северного островов включительно. Большая часть островных популяций северного оленя концентрировалась на Южном острове, но разреженные стада и одиночные животные доходили вплоть до мыса Желания (крайняя северная точка архипелага, Северный остров). Конечно, естественная численность оленя на архипелаге и тогда, и сейчас намного меньше, чем на материке, поскольку здесь он обитал на крайнем пределе распространения, а продуктивных летних пастбищ было мало (их «пятачки» расположены только на баренцевоморском берегу - на полуострове Гусиная Земля, причём установленная оленеемкость тут не превышает 2 тыс. особей). Остальная территория занята малопродуктивными кормовыми угодьями. Зимой эти небольшие по площади пастбища не могли прокормить местные стада оленей; из-за частых оттепелей и гололедиц образующаяся на поверхности снежного наста ледяная корка препятствовала добыванию пищи животным и вызывала частый и массовый падеж оленей от бескормицы. Естественное пополнение островной популяции оленями-мигрантами с острова Вайгач и материка также, видимо, невелико (соотношение в стадах и среди одиночных оленей местных животных и вайгачско-материковых популяций примерно равное) и не перекрывало их естественно-го падежа.

Промысел тюленей в полярных льдах. По гравюре Багрецовых «Бой тюленей», вторая половина XIX в.

Лет 200-300 назад за обитающими в полярных водах акулами охотились моряки парусных судов. В конце XIX — начале XX вв. их эстафету переняли сначала норвежцы, а затем от них и поморы-промысловики

Архипелаг Новая Земля и прилегающие морские акватории — один из основных участков ареала белого медведя, численность которого здесь в несколько раз выше, чем где-либо в Баренцевом регионе. На юг архипелага иногда заходили волк, обыкновенная лисица, россомаха.

Кроме этих основных охотничье-промысловых ресурсов, на суше архипелага располагаются многочисленные гнездовья морских колониальных и водоплавающих птиц, нерестовые рыбные реки и озёра. Типичными для Новой Земли являются массовые гнездовые скопления морских колониальных птиц на скалистых береговых уступах — птичьи базары, которых известно здесь примерно около 60 и они самые крупные в северном полушарии. Птичьи базары в этой части Арктики образуют в основном бургомистр, мювка, люрик, гагарка, кайры (тонноклювая и толстоклювая), чистик и тулик. На Северном и Южном острова известны базары с численностью птиц соответственно по 20–400 тыс. особей (например, на о-ве Гемскерка, Оранских овах, в заливах Русская Гавань и Вилькицкого, в губе Архангельская и на мысе Чернецкого) и 25–370 тыс. особей (в губах Грибовая, Безымянная, заливе Пуховый, на о-ве Кармакульский, мысе Лебединый). Но эти охотничьи объекты (сами добытые животные, их яйца и пух) стали предметом массового промысла и вывоза на материк только с конца XVIII — начала XIX в. Новоземельский архипелаг ещё и обиталище различных водоплавающих птиц — казарок (белошекой, черной), гусей (белолобого, гуменика, кликуна), малого лебедя, гаги (обыкновенной и гребенушки), уток и гагар. В период линьки и нагула жира (с конца июля до середины августа) они образовывали массовые скопления (по несколько сотен и тысяч особей) на низменных с обильной растительностью участках рельефа — по берегам озёр и лагунов, на болотах. В озерах и реках водится арктический голец.

В целом же, специфика распределения объектов новоземельских промыслов (охотничьих и рыбных ресурсов) на архипелаге Новая Земля и в прибрежной зоне омывающих его

морей состоит в том, что на суше наибольшая численность птиц, пушных зверей и рыбы концентрируется на узкой до 10 — 15 км шириной приморской полосе, а на море — в прибрежной полосе морской зверь скапливается либо на береговых пляжах, либо в мелководной области вокруг островов примерно такой же ширины.

Сама же история создания промысловых поселений на Новой Земле имеет под собой чисто «политические корни». Издавна этот регион был «русским», но на беду тут не было ни одного постоянного поселения. Сюда на промыслы ходили ещё первые русские поселенцы на Севере и их потомки, поморы. Но «простоватые русаки» почему-то считали, что их арктический рай будет всегда недоступен «немчуре», «немцам» — иностранцам («немцами»). т.е. немцами, не говорящими на русском языке, поморы называли всех иностранцев.

И явно ошиблись. Известно, что ещё в XVI веке, вскоре после посещения региона голландцем Виллемом Баренцем и его сподвижниками, Европу заинтересовал именно данный «угол Русской Арктики». И в подтверждении этого «в 1611 году в Амстердаме образовалось общество, учредившее охоту в морях близ Шпицбергена и Новой Земли», а в 1701 году голландцы снарядили до 2 000 судов к Шпицбергену и Новой Земле «бить китов». По сведениям известного сибирского купца и мецената М.К. Сидорова, потратившего всю свою жизнь и состояние только на то, чтобы доказать, что сила России в освоении Сибири и Севера, «до Петра Великого голландцы свободно промыслили китов в русской территории. На Новой Земле и поныне (1870-ые годы — Н. Вехов) промышленники показывают их салотопные ямы».

В конце XVIII — первой трети XIX столетия, когда уже иссякли северо-атлантические китовые и рыбные запасы, а пляжи и отмели Ян-Майена и Медвежьего, Шпицбергена и других островов лишились некогда привычного вида — отсюда исчезли моржи и тюлени, белые медведи, наши извечные конкуренты по освоению Севера, норвежцы, обратили свой взор на никем не освоен-

Фактория Литке. Старая промысловая деревянная лодка под мотор, сразу за ней — ворот, приспособление для выпягивания лодки из моря на сушу; на заднем плане — баня. Фото 1996 г.

ные восточные просторы Баренцева моря – острова Колгуев, Вайгач и Новую Землю, льдистое Карское море, ещё «кишевские» арктической жизнью. Основной период эксплуатации ими новоземельских промыслов охватывает примерно 60-летний период - с конца второй трети XIX века до конца 1920-х годов.

В 1860-х годах, благодаря благоприятной ледовой обстановке в северных акваториях Баренцева и Карского морей, омывающих Северный остров Новой Земли и особенно вокруг мыса Желания, и в проливе Югорский Шар, норвежские промышленники осуществили ряд удачных поисковых экспедиций, глубоко проникнув в Карское море. Известны имена капитанов норвежских зверобойных судов, которые с конца 60-х годов XIX в. до 1900-х гг. по несколько промысловых сезонов подряд на парусно-моторных судах из Тромсе, Гаммерфеста и других портов Норвегии совершали походы в арктические широты Баренцева и Карского морей для промысла морского зверя. Именно им принадлежало первенство в исследовании и освоении промысловых ресурсов до того практически неизвестного Карского моря. В начале 1910-ых годов, наконец-то, архангельская губернская администрация проснулась. Она была озабочена всё возрастающей норвежской экспансией на Русском Севере. Ведь, «начиная с семидесятых годов прошлого века (XIX в. – Н. Вехов), Новую Землю начинают обходить с севера норвежские промышленники».

Вот что писал по этому поводу в 1903 году известный путешественник и зоолог Б. Житков. «Летом 1869 года норвежский

капитан Карлсен, отыскивая места благоприятные для промыслов, вошел через Югорский Шар в Карское море. <...> В этом году Карское море в различных направлениях пересекли еще два промысловых судна - норвежцев и англичан; из них норвежца Е. Иогансена подходило к северо-восточному берегу Новой Земли. В 1871 году норвежский промышленник Мак, выйдя из Тромсе 22 мая и промышляя во льдах, 22 июля достиг мыса Нассау. <...> Мак пошел на север, обогнул северную оконечность острова и дошел до Баренцева мыса Желания (русский мыс Доходы). <...> После этого Мак подходил к восточному берегу Новой Земли (к мысу Виссингергофт), дошел до 75°25' широты и 82°30' долготы и, повернув назад, через Югорский Шар вернулся в Тромсе. <...> Капитан Тобисен 27 июня дошел до Красивого залива.<...> Капитан Исаксен в августе достиг Красивого залива, прошел потом к Виссингергофту. <...> Кроме этих капитанов у восточного берега Новой Земли в этом же 1871 году были норвежцы: С. Иоганнесен, пересекший Карское море, и Карлсен, обогнувший северный берег острова. Карлсен вдоль западных берегов Новой Земли поднялся к северу до 77° широты и 60° долготы, где встретил пловучий лед и стада моржей и тюленей. Отсюда мимо Оранских островов он достиг 18 августа Виссингергофта. Охота и здесь была чрезвычайно успешной». «Таким образом, в течение 1869-1871 годов благоприятные метеорологические условия позволили целому ряду норвежцев тюленебоев проникнуть в Карское море».

Хотя норвежские промышленники появились на новоземельских промыслах на несколько веков позднее русских охотников на морского зверя и ненцев, присутствие скандинавов в регионе было очень масштабным, а характер эксплуатации природных ресурсов - хищническим, браконьерским. За несколько лет они освоили весь ареал русских промыслов на баренцевоморской стороне обоих островов Новой Земли, проникли в Карское море через мыс Желания, проливы Югорский Шар и Карские Ворота и на восточное побережье архипелага. Хорошо оснащенные и финансово обеспеченные норвежские промышленники на морского зверя, которые издавна охотились на китов и тюленей в Северной Атлантике и у Шпицбергена, умело воспользовались опытом архангельских поморов. В плаваниях вдоль побережья архипелага норвежцы ориентировались на поставленные поморами навигационные и приметные знаки (гурии, кресты), использовали в качестве опорных пунктов старые русские становища или их останки. Эти становища служили для норвежцев также сигналом о том, что промыслы находятся где-то рядом, так как обычно поморы

Шитик

Лодья

Гальшона

Шюка

Торосная зверобойная лодка

Традиционные поморские промысловые суда, участвовавшие в освоении охотничьих ресурсов Новой Земли и восточной части Баренцева моря

Свидетельства норвежского присутствия на Новой Земле и их участия в освоении местных охотничье-промысловых ресурсов. Примус скандинавского производства, найденный в 1996 г. на карском побережье Южного острова Новой Земли к северу от устья р. Савиной

строили становища и избы поблизости от них. К началу XX в. они организовали даже несколько зимовий на архипелаге. О масштабах норвежской экспансии на Русский Север говорят следующие факты. «По свидетельству доктора Петермана <...> в 1870 г. вышли из Южной Норвегии на север к Новой Земле на звериные промыслы 18 судов и добыли зверя почти на 400 000 рублей, чистого барыша на каждое судно более 8 000 рублей. В следующем 1871 году из одного только небольшого городка Гаммерфеста вышли в Ледовитый океан 62 судна с общей численностью команд и промышленников в 480 человек, получившие 84 % чистой прибыли. В 1895-1897 гг. несколько норвежских яхт промыслили, по данным датского метеорологического института, около мыса Желания у северо-восточной оконечности Новой Земли».

На русских промыслах быстро созрела целая отрасль норвежской экономики, а небольшие селения северной области нашего скандинавского соседа, откуда в Арктику снаряжались промысловые экспедиции, в считанные годы превратились в процветающие города, создав себе хороший финансовый задел на всё двадцатое столетие. «Освоение норвежцами промыслов в Баренцевом и Карском морях, на Вайгаче и Колгуеве способствовали развитию окраинных городов Норвегии. Так, небольшой город Гаммерфест, один из самых северных городов в мире в середине XIX века, в 1820 г. имел не более 100 жителей. Через 40 лет в нем проживало уже 1750 человек. Гаммерфест развил свои промыслы на Шпицбергене

и Новой Земле, выслал в 1869 г. 27 судов в 814 тонн (водоизмещением. – Н. Вехов) и 268 человек экипажа для промыслов. Это небольшие суда от 26 до 38 т и от 6 до 12 человек экипажа. Из 27 судов 4 погибли, а 23 привезли на сумму 260 000 франков 151 522 кг моржовой кожи (около 9 470 пудов), 31 917 толенных шкур, 3 093 гектолитров (около 24 000 ведер) (одно ведро равно 12,3 л. – Н. Вехов) рыбьего жира, 20 880 (около 160 000 ведер) соленой ворвани, 1 512 моржовых клыков, 41 шкуру белого медведя, большое количество гагачьего пуха и оленьего мяса».

Зная о существовании в России законов «берегового права, запрещающих иностранцам заселять берега островов без дозволения правительства» норвежцы довольно ловко обходили это юридическое препятствие. В частности, по словам известного архангельского помора Ф.И. Воронина, 30 лет промышлявшего на Новой Земле, ему были известны случаи, когда «агенты норвежских купцов, имея своих родных колонистами на Мурманском берегу, простерли свои замыслы не только на остров Новой Земли, но и на Колгуев и Вайгач. В нынешнее лето на Новой Земле (1876 г. - Н. Вехов) было много норвежских судов. <...> Норвежский купец оставил ныне <...> на Новой Земле на зимовку судно, как будто принадлежащее своему родному брату, временно записавшемуся в русские колонисты и тем самым обошел наши законы берегового права».

И вот, чтобы как-то защититься от норвежской экспансии на Русском Севере, в 1870-ых годах в недрах архангельской

Панорама становища Малые Кармакулы — первого в системе промысловых поселений. Южный остров Новой Земли. 1890-е годы

*Развощная изба на одном из Больших
Оранских островов. Фото 1998 г. Самая
северная на Новой Земле промысловая изба*

губернской администрации вызрел план – создать на Новой Земле поселения, обозначив национальный интерес в этом районе Арктики. Естественно, благую идею поддержали в столице. Из Санкт-Петербурга в Архангельск поступает «добро» на начало колонизации арктического острова. Начало существования новоземельского островного охотничьего хозяйства следует считать вторую половину 1870-х годов, когда на архипелаге архангельской губернской администрацией при государственной поддержке было заложено первое постоянное поселение – становище Малые Кармакулы. Сюда из Большеземельской тундры перевезли несколько семейств ненцев. Всего до Первой мировой войны на западном, баренцевоморском, берегу Северного и Южного островов были организованы четыре становища — Малые Кармакулы (1877 г.), Маточкин Шар (1894 г.), Белушья Губа (1897 г.) и Ольгинское (1910 г.). Первые три становища заселялись ненцами, а третье было чисто русским. В каждом становище на выделяемые государством средства, которые переводились в архангельские банки из Санкт-Петербурга на безвозмездные траты, для проживания ненцев-промысловиков с семьями сооружались деревянные рубленные дома с печками, дощатые сараи для охотничьих и рыболовных принадлежностей, складские помещения. Строения обычно рубили в Архангельске, затем их разбирали и в разобранном виде перевозили на архипелаг, где их снова собирали силами специально присланных сюда рабочих-плотников.

Переселённые на архипелаг ненцы попадали в своеобразный охотничье-промысловый «клондайк». Ведь в течение почти пяти веков основной охотничье-промысловый ресурс на архипелаге составляли морские млекопитающие (морж, киты, тюлени), пушные звери (олень, песец, белый медведь) и рыба (голец арктический). Ареал существовавших на Новой Земле и традиционных для нее промыслов (добыча морского зверя, пушнина и др.) охватывает преимущественно значительную часть баренцевоморского (западного) побережья архипелага — весь Южный и часть Северного (примерно до широты 74°30' с. ш.) острова, где известны несколько десятков промысловых точек, зимовий и изб поморов. До начала XX в. восточное (карское) побережье архипелага не было освоено и охвачено промыслом, что связано, в основном, с крайне суровыми погодными условиями территории, трудностями ориентирования на местности и отсутствием надежных средств передвижения во внутренней (центральной) части архипелага.

В деятельности островного охотничье-промыслового хозяйства выделяются два этапа — период стихийного функциониро-

вание и «индустриальный». Первый из них продлился до 1924 г., до сдачи становищ архипелага Новая Земля в аренду Госторгу, а с 1931 г., после перехода островных промысловых становищ в систему Северного морского пути (СМП), хозяйство индустриального типа просуществовало четверть в., до середины 1950-х гг. В системе СМП охотничье-промысловые становища Новой Земли как самостоятельные хозяйственные подразделения подчинялись островному сектору «Морзверпрома» и Архангельскому территориальному управлению СМП. Деятельность промысловиков на Новой Земле прекратилась в 1954 г. с созданием здесь Центрального полигона РФ, когда с архипелага все гражданское население было выселено.

Промысловая деятельность на островах Новой Земли всегда была многофункциональной. Она включала добычу морского зверя (тюлени, белуха, морж, белый медведь), шедшего для получения шкур, ремней, жира и сала, оленя (большая их часть предназначалась для внутренних нужд), от которого использовали мясо, шкуры и рога, песца, гагачьего пуха, яиц (кайра, гага) и взрослых особей (на корм собакам) колониальных птиц, линных гусей и уток, вылов гольца. Различалось два основных промысловых сезона — зимний (с октября по июнь), когда заготавливались пушнина (песец), морской зверь с припая (белый медведь, тюлени, нерпа), отлавливались белые медвежата и шел подледный лов гольца, и летний (с июня по октябрь), в течение которого добывали морского зверя (морж, белый медведь, тюлени, нерпа, белуха) и шел основной лов гольца (в июле-сентябре).

С самого начала создания на арктическом архипелаге поселений и государство, и губерnsкие власти полагали, что основным занятием ненцев на Новой Земле будет промысловая деятельность. Губернской администрацией даже был разработан и претворялся в жизнь целый ряд мер, стимулирующих привлечение ненцев к переселению на Новую Землю и поддержке их промысловой деятельности.

В начальный период колонизации Новой Земли по высочайшему царскому указу каждому первопоселенцу-промышленнику мужского пола из государственной казны полагалось 350 рублей в качестве «подъемных» или компенсации. Одновременно поселенцы на 10 лет освобождались от всех казенных и земских сборов, в желающие через пять лет переселиться обратно на материк могли вернуться на прежнее место жительства без предварительного разрешения.

В 1892 г. по распоряжению министра внутренних дел 10% валовой выручки от реализации продукции промыслов подле-

Норвежские символы промысловых судов, примененных у берегов Новой Земли во второй половине XIX века.

Ульрик Гилленборг

Сергей Христианович Толстой

Леонид Карлович

Свидетельства норвежского присутствия на Новой Земле и на участках и освоения местных

Сохранившиеся до наших дней объекты поморской навигационной системы в новоземельском регионе. В эту систему входили гурии, приметные кресты, другие сооружения, которые служили опознавательными символами местоположения промысловых участков, тонь, становищ и своеобразными «створными знаками», показывающими путь идущим на промыслы поморским судам

Сохранившиеся до наших дней объекты поморской навигационной системы в новоземельском регионе. Эта система просуществовали до конца XIX в.; позже многие из объектов были уничтожены норвежцами, намеревавшимися прибрать к рукам русские промыслы на Севере

жали «зачислению в особый запасной колонизационный капитал, а чистая прибыль отдельных колонистов должна была вноситься в сберегательную кассу на особые именные книжки». Каждому самоеду-охотнику полагалась особая книжка за подписью губернатора, в которой «обозначается принадлежащая хозяину книжки сумма». Запасной капитал использовался на оказание помощи первопоселенцам - на доставку их из тундры в Архангельск, проживание в нем в течение нескольких месяцев, обеспечение одеждой и орудиями промыслов, доставку на Новую Землю, выдачу безвозмездного денежного пособия и т.д.

С 1908 г. по решению архангельского губернатора И.В. Сосновского «в видах поднятия доходности Новоземельских промыслов и улучшения быта местных колонистов-самоедов, было принято за правило продавать всю сдаваемую колонистами промысловую добычу не иначе, как с публичного торга». Кроме того, значительно упрощалась система расчетов с колонистами путем введения особых лицевых счетов, а также освобождались от пошлин и акцизов доставляемые на Новую Землю керосин, спички, чай и пр. Принятие этих мер не замедлило сказаться на состоянии доходов промысло-

виков. Уже в 1909 и 1910 гг. ненцы-охотники вышли из прежней задолженности, смогли приобрести усовершенствованные ружья, снасти и лодки; в становище Белушья Губа были построены четыре дома, а на счетах промысловиков еще оставались значительные средства. Часть средств была израсходована на организацию и постройку становища Ольгинское. Доходность промыслов в эти годы возросла в 5-7 раз. С 1909 г. на поселения Новой Земли были распространены льготы, установленные ранее для жителей Мурманского побережья, в отношении беспроцентного приобретения товаров. Благодаря всем этим мероприятиям в 1910 г. на торгах в Архангельске было реализовано продукции новоземельских промыслов на сумму около 20 300 рублей (в ценах 1910 г.). Это самая высокая доходность островного охотничье-промыслового хозяйства на все предыдущие годы его существования. К 1920 г. капитал колонистов Новой Земли на счету Московского Народного Банка превысил 150 тыс. рублей. Учитывая, что общее число промысловиков на Новой Земле в разные периоды деятельности охотничьего хозяйства составляло не более 30% от проживавшего здесь населения, то нетрудно подсчитать, весь этот капитал создан силами 30-45 человек. 🐾

Николай Вехов,

кандидат биологических наук

Иллюстрации из
архива автора

Фактория Литке — одно из двух сохранившихся до наших дней промысловых поселений времён деятельности на архипелаге основного охотничьего хозяйства. Карский берег Южного острова Новой Земли. Фото 1996 г.

Слева направо: склад-амбар (фактория), жилой дом на четыре семьи, дом фельдшера с амбулаторией, баня (самый первый дом фактории). На переднем плане — питьевое озеро, на выдающемся в залив слева узком полуострове находилось кладбище с шестью захоронениями. Посёлок состоял из 4 строений. Все сохранились

Охотничьи ресурсы и промысловое хозяйство НОВОЙ ЗЕМЛИ

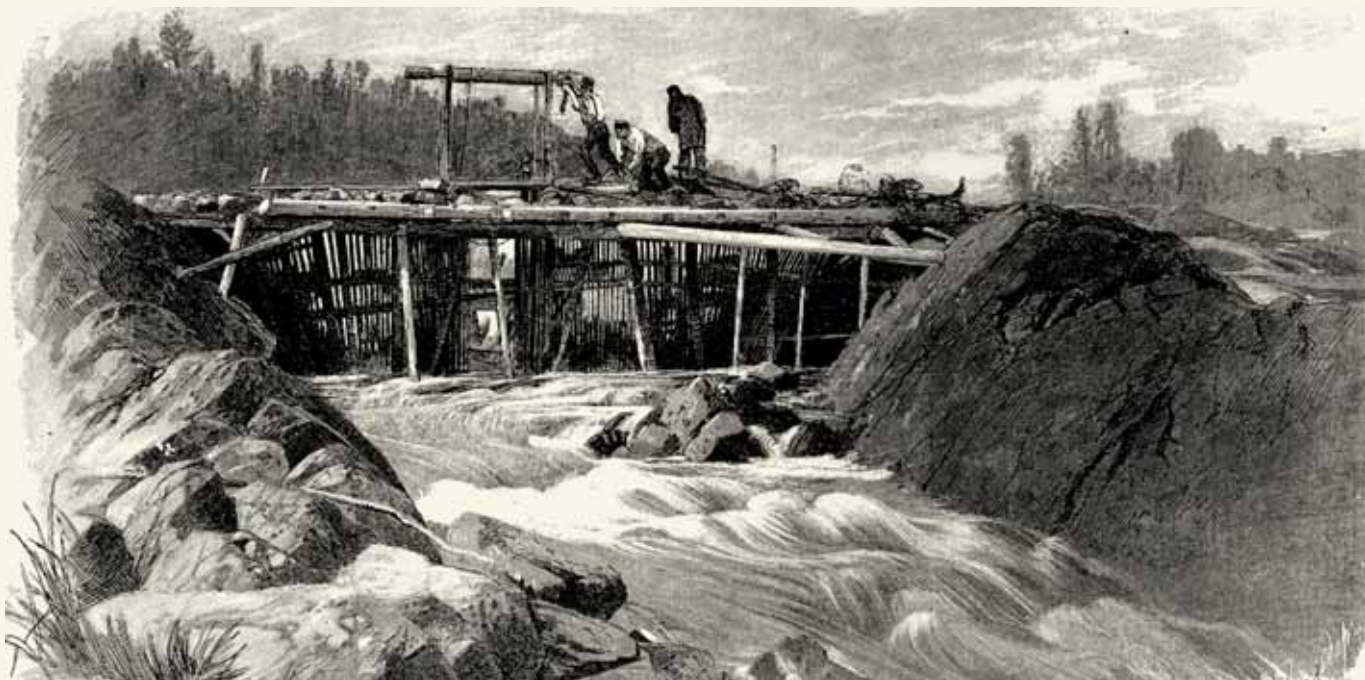
Продолжение. Начало в №8/2011

«Начальником» над новоземельскими поселениями был заведующий губернской канцелярией. Ему вменялось в обязанности решение всех организационных, финансовых и иных вопросов, связанных с жизнедеятельностью островных промысловых становищ. Он сам или специально командированный чиновник губернской администрации ежегодно посещали становища, где принимали продукцию промыслов по особой описи, собирали заявки от промысловиков на продовольствие, необходимый промыслово-охотничий инвентарь, боеприпасы, оружие, мануфактуру и т.д. для будущего промыслового сезона, решали спорные вопросы. Все закупки и поставки делались авансом, под расчет продукцией следующего промыслового сезона (осень – весна). На следующий год, во время приезда губернского чиновника промысловики рассчитывались за предоставленный прошлый год кредит сданной пушниной, рыбой, мясом, салом, жиром, моржовыми клыками, яйцами морских птиц, живыми медвежатами, шкурами морского зверя, гагачьим пухом и т.д. Получаемая разница заносилась на специальные именные счета в архангельском банке, где для каждого промысловика были заведены индивидуальные сберегательные книжки. Деньги наличными практически не выдавались, поскольку среди ненцев было распространено практически повальное пьянство.

Основной заботой губернской администрации были несколько вопросов: снабжение промысловых становищ дровами (на арктическом архипелаге был только плавник, но его ненцы мало использовали), продовольствием, своевременный

вывоз и максимальный сбор продукции промыслов, забота о здоровье поселенцев, привлечение добровольных новопоселенцев на острова и защита территории русских промыслов от норвежских зверобоев-браконьеров, во всю промышленявших в наших территориальных водах с середины XIX в. до конца 1920-х гг. и наносящих огромный материальный ущерб охотничьим ресурсам региона.

Оторванный от материка «медвежий угол», каким была и остается Новая Земля, имел связь с «цивилизацией» только в период короткой навигации. Лишь с начала июня по конец сентября, когда море освобождалось ото льда, сюда могли пройти пароходы. В целях своевременного вывоза продукции промыслов, завоза продуктов питания, охотничьих припасов, рыболовных снастей и т.д. опять же при государственной поддержке и ежегодном выделении субсидии в 50 000 рублей в Архангельске было организовано Товарищество «Архангельско-Мурманское срочное пароходство», которое до 1920 г. и осуществляло все транспортные операции в регионе. В короткую навигацию были организованы два рейса — летний (начало июля), в течение которого на архипелаг отправлялся заведующий новоземельскими колониями или другой ответственный чиновник губернской администрации, собиралась продукция предыдущего промыслового сезона и принимались заявки на снабжение всем необходимым на следующий сезон, и осенний (конец августа – начало сентября), когда завозились продукты, необходимые орудия лова, боеприпасы и т.д. для следующего промыслового сезона. Этими же пароходами завозились на архипелаг дрова, разобранные строе-

ния, бревна и доски, необходимый материал для ремонта уже существующих построек, бригады плотников и рабочих, когда была в этом необходимость.

Эксплуатация охотничье-промысловых ресурсов Новой Земли в «дореволюционный» период отечественной истории носила стихийный, неорганизованный характер. На первых этапах существования ненецких поселений на архипелаге промысловиков и их семьи снабжали в основном несвоими продуктами (масло, крупы, макароны, пряники, чай, сахар, творог и т.д.), да и объемов поставляемого продовольствия не хватало для нормального переживания зимовки, до следующей навигации, когда происходил новый завоз. Привыкшие к сыроедению, т.е. питанию сырым мясом, кровью и т.д., ненцы должны были много времени тратить на поиск привычной для них пищи. Поэтому значительную часть получаемой продукции промыслов они пускали «в котел».

Ненцы, основной контингент оседлых промысловиков, использовали приемы своей традиционной охоты на пушного и морского зверя, ловли рыбы, выбора мест промыслов, смены промысловых объектов в зависимости от времени года и численности ресурсов, какими они овладели еще на материке. Конечно, островная специфика наложила и на это свой отпечаток. Наибольшая промысловая нагрузка была на охотничьи ресурсы западного, баренцевоморского, побережья, где сосредоточивались основные силы охотников. Но ненцы по сути были охотниками-одиночками. Поэтому они стремились

рассредоточиться по всей суше Южного острова в поисках более удачных промыслов. Часть из них оседло жила в становищах западного побережья вместе с семьями и здесь же охотилась. Другие промысловики осенью, по первому снегу (в конце сентября – начале октября), вместе с семьями на собачьих упряжках переезжали поперек Южный остров. Их временные стойбища и отдельные чумы на карском, восточном, побережье, оставались до весны. На карской стороне охота на песца, оленя и морского зверя всегда была лучше. Но и оставшиеся на западном берегу ненцы тоже совершали значительные миграции в поисках лучших условий промыслов. Известно, что часть из них ежегодно меняли свои промысловые участки. Так, некоторые кочевали по берегу примерно от широты устья реки Нехватовой или полуострова Гусиная Земля, где в мае-июне занимались весенней охотой на гусей, до пролива Маточкин Шар, куда следовали за морским зверем и гольцом. Некоторые промысловики затем по проливу доходили до Карского моря. Эти традиционные маршруты ненецких сезонных промысловых кочевков сохранялись в течение всего периода существования островного охотничьего хозяйства, и их впоследствии использовали охотники в 1930–1950-х гг.

Достаточного государственного финансирования островных становищ не было, частный капитал в эту отрасль экономики Русского Севера не вкладывал свои инвестиции. Поэтому на самых первых этапах функционирования остров-

Засолка новоземельского гольца старинным поморским способом. Фото 1996 г.

ного промыслового хозяйства губернские власти не могли обеспечить охотников соответствующими тому времени ружьями, сетями, лодками, не говоря уже о небольших парусных ботах, карбасах, елах и т.д. для передвижения вдоль береговой суши в поисках зверя или вывоза продукции промыслов. Выменять же у приходивших сюда норвежских браконьеров и поморских артельщиков ружья систем «Гра», «Ремингтон», «Бердана» и др., капканы на песцов и т.д. на добытую пушнину, сало морского зверя, рыбу ненцы не могли. У них не хватало запасов продукции промыслов для обмена, да и приходившие сюда с материка сезонные промысловики постоянно безжалостно обманывали ненцев. Ненцы могли бы расплачиваться деньгами, но наличности у них не было. Поэтому вплоть до начала 1900-х гг. большинство из охотников пользовалось старыми кремневыми ружьями, луками и примитивными орудиями лова. Лишь с приходом к власти в Архангельской губернии на посту губернатора И.В. Сосновского, добившегося увеличения финансовой государственной поддержки новоземельских становищ, все охотники были обеспечены современными на тот период орудиями промыслов, ружьями и в достаточном количестве боеприпасами.

Освоение охотничьих и рыбных ресурсов архипелага, «живого золота Новой Земли», весь этот и следующий период шло на фоне неутрачиваемой вражды между русскими и норвежцами. Эта страница отечественной истории мало известна читателям. Поэтому я снова обращаюсь к запискам очевидцев тех событий, которые нередко разрешались на самом высоком правительственном уровне.

Конец XIX – начало XX века ознаменовались дальнейшим увеличением норвежского присутствия на островах Новой Земли. «В 1906 г., во время плавания на Мурмане адмирала Бострема, на осмотренной им 23 сентября в Гаммерфесте норвежской шхуне, только что пришедшей с восточного берега Новой Земли, оказалось около 100 убитых и 3 живых молодых моржей, 12 шкур белого медведя и 5 живых белых медвежат. Стоимость этой добычи составила не менее 10 000 рублей. <...> В 1908 г. на двух норвежских шхунах, заходивших в Поморскую губу Маточкина Шара, было обнаружено 29 живых белых медведей, 1 000 шкур морских зверей и 2 500 пудов звериного сала. <...> 27 июля 1909 г. возвратилось в Тромсе от «Восточного льда», т.е. Новоземельского пространства, промысловое парусное судно «Минерва» с 16 убитыми и 3 живыми белыми медведями, а 21 июля - промысловый пароход «Самсон» с 6 700 шт. горбоносых тюленей и 15 нарвала-

ми, общей стоимостью в 100 000 крон, 20 июля в Гаммерфест возвратилось промысловое судно William Booth (с 2 300 тюленей, 25 морскими зайцами и 350 бочками звериного сала), на возвратившемся в тот же день пароходе «Вюги» оказалось около 6 000 горбоносых тюленей, 27 нарвалов и 2 200 бочек жира и т.д. <...> В октябре 1909 г. <...> в Тромсе вернулась целая экспедиция норвежских зверобоев из Карского моря и с Новой Земли с живыми и убитыми медведями, голубыми и белыми песцами и рососомами».

Предпринятые в 1909–1910 гг. две специальные экспедиции Архангельской губернской администрации с целью ознакомления с положением колонизации архипелага и возможным выдворением «неприятеля» обнаружили существование норвежских поселений на Северном острове архипелага, откуда промысловики уходили на добычу морского зверя, ловлю рыбы и другие промыслы. Основной район их деятельности на суше охватывал западное, баренцевоморское, побережье. «Летом 1909 г. Новоземельская экспедиция Главного Управления Земледелия и Землеустройства обнаружила у Прокофьева мыса, при входе в Крестовую губу небольшое, но хорошо оборудованное постоянное норвежское становище, <...> рядом с остатками русской промысловой избы. По словам проживающих здесь норвежцев, а также наших новоземельских самоедов, <...> в Архангельской губе, за полуостровом Адмиралтейства, где <...> также существовало прежде русское становище, находится второе более значительное норвежское поселение, поддерживающее сообщение с первым и служащее, по-видимому, базой для промысловых плаваний норвежцев вокруг Новой Земли <...> в прошлом году норвежские промышленники зимовали в Пуховой губе, на южной оконечности Новой Земли, у входа в Карские Ворота».

О повсеместном присутствии норвежцев на архипелаге и в районах русских промыслов и все промышленявшие здесь российские колонисты-поселенцы и охотники информировали архангельские власти. Так, известный новоземельский промысловик ненец И.К. Вылка 17 июля 1910 г. «наблюдал у мыса Бритвин Нос норвежский корабль «Аляска» из Гаммерфеста (капитан Нильсен) с командой 11-12 человек. Александр Яшков, архангельский помор, переселившийся на Новую Землю и промышленявший в 1910 г. в Мелкой губе, видел у Прокофьева мыса трех зимовавших норвежцев, которые в числе прочих занятий вели добычу и засолку гольца. Промышленник из посада Сумы, Кемского уезда Иван Башмаков пришел на судне Воронина 10 июня 1910 г. и видел

Становая (охотничье-промысловая) изба на мысе Вишневого, Южный остров Новой Земли, карское побережье. Фото 1996 г.

у Гусиной Земли норвежское судно. Его команда разоряла гнезда гаг, собирала яйца и пух от Гусиной Земли до Малых Кармакул».

В течение всего периода с начала активизации норвежцев в районе архипелага поступающие на них в губернскую администрацию жалобы власти пытались разрешить на дипломатическом уровне. На официальные запросы русских властей по поводу самовольной организации поселений на Новой Земле Норвегия отвечала деликатным непониманием сути проблемы. «На запрос Императорской Миссии в Христиании <...> норвежский Министр Иностранных Дел Христоферсен ответил, что до него дошли слухи о нахождении норвежских зверобоев на Новой Земле». По мнению норвежской, стороны число таких поселений невелико, и они не могут нанести заметный ущерб промыслам; численность же приходивших только на летние промыслы судов и зверобоев ими также не принималась во внимание. «Тем не менее, по настоянию Императорской Миссии (Российской — Н. Вехов), он (норвежский Министр иностранных дел г. Христоферсен — Н. Вехов) немедленно приказал через Финмаркенские власти оповестить население Северной Норвегии о недопущении русскими властями нарушения наших территориальных прав как относительно охоты и рыболовства, так и, вообще возведении поселков на Новой Земле, равно и об ответственности, которой подвергаются непризванные промышленники, в случае, если бы их наши власти достигли».

Но реального действия эти заявления и призывы не возымели. В действительности на Новой Земле у норвежских зверобоев уже был даже свой «начальник» — «руководитель норвежской перезимовочной экспедиции в Крестовой губе Бернер Иергенсен», который «только что отправил в Норвегию улов, тюленьи и медвежьи шкуры, семгу (гольца — Н. Вехов), прочно обосновался в Крестовой губе, выстроил три дома, надеется сделать здесь хорошие дела и не предполагает вернуться обратно ранее 1911 года. При этом просит прислать ему трех нанятых уже рабочих (к весне), как можно больше сетей для лова семги (гольца), которой здесь много, несколько пил и железа, а также побольше провианта».

У норвежцев помимо значительных финансовых средств, вкладываемых в организацию зверобойных арктических экспедиций, использования приспособленных к плаванию среди полярных льдов судов, применения мощных ружей, капканов новых конструкций и стрихнина для добычи морского и пушного зверя было и еще одно преимущество, практически всегда обеспечивавшее им успехи в промыслах. Пользуясь тем, что акватории портов в Норвегии из-за тепляющего влияния Гольфстрима не замерзали зимой, зверобойные суда выходили на промыслы на 2-3 месяца раньше архангельских поморов и крестьян, которые могли отплыть к Новой Земле только после освобождения ото льда Белого моря. Справедливо подытоживая общую точку зрения по этому вопросу, контр-адмирал Посьет в 1871 г. отмечает, что «как наш корветский,

Так выглядела промысловая изба в поморском становище в конце XIX — начале XX вв.

Фактория Литке. Жилой дом стандартного типа с печным отоплением на три семьи, с тремя отдельными комнатами. Фото 1996 г.

Становая изба на северном берегу залива Абросимова. Фото 1996 г. Жилой дом и баня; рядом проточное озеро с пресной водой. На мысу за жилым домом — промысловый навес

так и другие поморы жаловались, что норвежцы, имея возможность выходить из своих незамерзающих гаваней значительно раньше, чем поморы из портов Белого моря, успевают напромышлять полные грузы своих судов, прежде чем беломорцы доберутся до Новой Земли. Зверь, напуганный первым ловом, встречается нашим промышленникам уже в меньшем числе, и промысел их бывает большей частью весьма неудовлетворенный». Столь широкомасштабное освоение норвежских русских промыслов привело к тому, что, по наблюдениям уже упоминавшегося выше архангельского помора Федора Воронина, в конце 70-х годов XIX в. отмечено вытеснение русских с новоземельских промыслов. По его словам «норвежцы уничтожали на Новой Земле все древние памятники русских — кресты, особенно кресты олончанина Саввы Лошкина, <...> сожгли почти все русские избы и ту, которая построена была в 1872 г. Петербургской компанией (имеется в виду изба, поставленная в районе Костина Шара во время пребывания на островах Великого Князя Алексея Александровича, брата российского императора — **Н. Вехов**)».

Все эти факты свидетельствовали о размерах возможного ущерба, наносимого норвежцами не только природным ресурсам архипелага (его промыслам), но и историко-культурному наследию, когда активно уничтожались различные памятники истории освоения региона, видимо, с целью ликвидации документальных подтверждений принадлежности архипелага России и его освоения русскими. Подобная акция могла иметь далеко идущие политические цели. При последующем рассмотрении вопроса об определении территориальной принадлежности архипелага и окружающих его акваторий к России или Норвегии и возможных при этом спорных моментов Норвегия всегда могла сослаться на существование своих экономических интересов в этой части Баренцева моря — ее промышленники ежегодно ведут широкомасштабную и интенсивную эксплуатацию новоземельских промыслов. Подобная точка зрения усиливала аргументацию в пользу передачи северных территорий норвежцам.

Многие патриотически настроенные русские, которые действительно радели за охрану и процветание новоземельских промыслов, высказывали ряд практических рекомендаций по защите российского форпоста в Арктике. Так, по мнению контр-адмирала Посыета следовало бы «для охраны звериных и рыбных промыслов наших, на Новой Земле и на Мурманском берегу, учредить военную станцию. Паровое

судно, назначенное для занятия этого поста, имело бы главным своим местопребыванием г. Колу и, зимую в этом порте, оно приходило бы ранней весной к Новой Земле и не позволяло бы норвежцам производить ловлю ни на берегу, ни на расстоянии 4 мили от него, как это определено трактатом 1830 г. для наших промышленников относительно норвежских берегов. <...> Развитие рыбного промысла на Мурманском берегу и звериного на Новой Земле требует устройства одного или двух постоянных поселений на Мурманском берегу, с дарованием им некоторых торговых и промысловых исключительных прав».

Справедливости ради надо подчеркнуть, что еще в 1880 г. государство направило с Балтики для охраны своих северных владений вооруженную парусную шхуну «Бакан». Оно же организовало два пароходных рейса из Архангельска до становища Малые Кармакулы (по мере основания в дальнейшем новых поселений рейсовые пароходы заходили во все становища), которыми доставляли сюда сезонных промысловиков, продовольствие и т.п., а обратными рейсами вывозили уже закончивших промыслы сезонников и их добычу. В 1893 г. охрану наших северных промыслов осуществлял уже крейсер «Наездник», а в 1895 г. по настоянию Архангельского губернатора А.П. Энгельгардта «для охраны промыслов у Новой Земли, в горле Белого моря и на Колгуеве Морским Министерством командирован крейсер «Джигит». Но эффективность этих сторожевых судов была невелика: они зимовали в Либаве (Лиепая) на Балтике и только после освобождения моря ото льда переходили к Новой Земле для выполнения своих охранных функций. К этому времени норвежцы успевали побывать на всех промыслах и обойти поселения новоземельских колонистов, собрать богатую добычу и отправиться обратно в Скандинавские порты. Кроме того, направляемые на север России сторожевые корабли значительно уступали норвежским промысловым судам в быстроте, маневренности и были мало приспособлены для плавания во льдах.

Проблема охраны новоземельских промыслов и поселений колонистов на архипелаге практически не была решена и в начале XX в. еще в бытность Российской империи. Актуальными оставались эти же проблемы и в период существования РСФСР/СССР. Даже в 1920 годах, после образования РСФСР/СССР, норвежцы предпринимали определенные попытки активизации хозяйственной деятельности на архипелаге. А реального и сильного отпора со стороны Видимо,

Развoločные избы, «двухкамерные», высотой около 1,2 М. Сооружались на промысловых участках, на расстоянии дневного перехода друг от друга. Карский берег Южного острова Новой Земли, северного устья р. Савиной. Фото 1996 г.

основные причины были теми же, что и раньше, - отсутствие финансирования, удаленность от материка и портов, малочисленность населения и ничтожная доля промышленников.

В качестве конкретных реальных мер по защите российских промыслов на Новой Земле и в акваториях арктических морей декретом от 24 мая 1921 г. промысел морского зверя в территориальных водах РСФСР разрешался только с согласия Советского правительства. В 1923 г. Совет Народных Комиссаров, признавая невозможность бороться на государственном уровне с засильем норвежцев на промыслах в Баренцевом и Белом морях из-за отсутствия финансовых средств и пограничных войск, принял решение о заключении договоров на добычу здесь морского зверя с выдачей концессий на один год, надеясь этой вынужденной мерой в какой-то степени регулировать число промысляющих в русских территориальных водах иностранных судов. В феврале 1923 г. первый такой договор был заключен с норвежской фирмой «Винге и Ко», а позже — с группой зверопромышленников Олесуннского союза судоходства на предоставление норвежским зверобойным судам права промысливать в северных территориальных водах СССР от границы с Финляндией до Новой Земли. Этими договорами предусматривалось присутствие наблюдателя и двух ассистентов со стороны СССР на норвежских судах для контроля промыслов. По заключенным договорам «фирма норвежских тюленебоев «Винге и Ко» уплачивает за концессию 200 000 норвежских крон, причем

общий тоннаж всех зверобойных судов не должен превышать трех тысяч тонн», а по второму договору предусматривалась оплата «с каждой тонны груза по 10 долларов, при неограниченном количестве промысловых судов, но не менее в общем 40 000 долларов».

Но ни эта, ни другие меры не привели в чувство норвежцев. По данным Государственного архива Архангельской области в 1919–1929-х гг. норвежские торговые и промысловые суда постоянно отправлялись на Новую Землю. «В навигацию 1919 года, до прихода нашего парохода, в становищах Новой Земли было три норвежских судна»; они вывезли пушнины, сала и других промыслов на общую сумму, превышающую 200 тыс. руб. В этом же году, «до прихода экспедиции (первой после начала I Мировой войны экспедиции, организованной Архангельской губернской администрацией для сбора продукции новоземельских промыслов — **Н. Вехов**) на островах были норвежские суда ранней весной и забрали большое количество промысла, выменивая товар у колонистов на всякие безделицы и привозя спиртные напитки. <...> Колонистами Белушней губы на норвежское судно сдано: звериного сала 160 пудов, нерпичьих шкур 400, шкур морского зайца 20, шкур моржа 8, песцовых шкур самых ценных 68, оленей 5, яиц 5000, гусей 650. Весной этого года вернулось в Варде норвежское судно с Новой Земли и привезло 14 000 яиц. Норвежцы также сами собирают по берегам яйца, пух и перо».

Продолжение в следующем номере

Украшенная оленьими рогами могила ненец-промысловика. С фотографии К.Д. Носилова, конец XIX в.

Ловушка на белого медведя — редчайший объект бывших охотничьих промыслов на Новой Земле, начало XIX в. Фото 1996 г.

Охотничьи ресурсы и промысловое хозяйство НОВОЙ ЗЕМЛИ

Николай Вехов,
кандидат биологических наук

Иллюстрации из архива автора

В 1924 г. участники Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ под руководством Р.Л. Самойловича на восточном берегу острова Кусова Земля (берег пролива Никольский Шар) «обнаружили крест, поставленный здесь тремя норвежцами, зимовавшими в 1908–1909 гг.», а в 1925 г. на южном берегу губы Архангельской ими же найдена норвежская изба, о которой еще в 1910 г. сообщал В.А. Русанов. В 1927 г. на полуострове Горякова в заливе Русская Гавань «...недалеке от острова на одной из возвышенностей были выложены камнями четыре буквы: «РАРН». Насколько мне (Р.Л. Самойловичу. – Н. Вехов) известно, норвежские промышленники имеют обыкновение оставлять память о посещенных ими местах, выкладывая на поверхности земли инициалы своего имени и фамилии или же названия судна».

К концу 1920 годов норвежские зверобой довели число промышлявших в акваториях Баренцева и Карского морей судов до 80–90 (против наших 12). Суммарный объем промыслов только одного моржа достигал тысячи (1927 г.) и более голов. При этом скандинавы совершали промысловую разведку и в районах, лежащих гораздо восточнее Карского моря, вплоть до острова Врангеля. Последние сведения о появлении норвежцев на островах относятся к концу 1920 годов. В 1927 году норвежское парусно-моторное судно с добычей рыбы и гагачьего пуха заходило в Белушью губу.

И до смены государственной власти в России в конце 1917 г., и после политика губернских властей, стратегия и тактика

освоения охотничье-промысловых ресурсов региона мало менялись. Как и в XIX веке, новая власть решала многие вопросы бюрократическими методами. В течение первых лет Советской власти ведомственная подчиненность становилась территориально находящиеся в пределах Архангельской губернии, постоянно менялась, что отрицательно сказывалось на их деятельности. Кому только не подчинялись поселения арктических промысловиков — и Комиссии по заведованию имущественными делами новоземельских колонистов при Архангельском совете народного хозяйства, и Управлению островным хозяйством Северного Ледовитого океана при Архангельском губисполкоме, и постоянной комиссии при Архгубисполкоме по управлению островами. Но из-за дефицита необходимых финансовых средств у губернских властей на содержание становилась их снабжение продовольствием, снаряжением, орудиями лова и промыслов, с вывозом продукции промыслов, обеспечение промысловиков ботами и лодками новоземельское островное хозяйство не могло в полной мере нормально функционировать и приносить прибыль.

В целях выхода из этой критической ситуации Архгубисполком в лице Управления островами Северного Ледовитого океана в 1924 г. заключил договор с Северо-Беломорским областным отделением Госторга о пятилетней аренде последним новоземельских промыслов. По этому договору «Архгубисполком предоставляет Севбелгосторгу исключительное право на островах и в прибрежных водах про-

изводство промыслов, как-то: сбора пушнины, птичьего пера, пуха, ловли рыбы, боя морского зверя, добычи полезных ископаемых и т.д.». По договору о пятилетней аренде, Госторг должен был заботиться «о снабжении населения продуктами питания, охотничьими припасами и орудиями, организациями медпомощи и построить в текущем (1924 г. – **Н. Вехов**) новых помещений для жителей в размере 50%, что уже имеется у Островного хозяйства на островах». Как один из механизмов повышения отдачи от деятельности новоземельских промыслов арендаторы через Народный комиссариат внешней торговли добились освобождения от акцизов и пошлин предметов снабжения промышленников.

Именно в период аренды Госторгом новоземельских становищ в их деятельности и характере эксплуатации охотничье-промысловых ресурсов наметился определенный прогресс. Были заложены и построены два становища — Красино (1925 г.) и Русаново (1926 г.), которые затем расширялись и дооборудовались, промысловые пункты (на Петуховском острове в проливе Карские Ворота, 1926 г., в губе Митюшиха, 1928 г.). В уже ранее существовавших становищах организовали артели (1924–1928 гг.). Во время деятельности Госторга на островах начались оснащение артелей

разобранном виде завозились на острова. Именно сооружаемыми по этому проекту домами в 1920–1930-х гг. застраивались все новые становища.

Решались вопросы об увеличении объемов промысловой деятельности, охраны и восстановления промысловых ресурсов Новой Земли, подорванных 50-летним периодом стихийного промысла и браконьерства. В целях увеличения объемов добычи охотничье-промысловой продукции осваивались южные районы Южного острова от Нехватовых озер до мыса Меншикова и восточное побережье между заливом Литке и рекой Кумжей. Выбитое беспредельным промыслом в прежние годы поголовье оленя решено было восстанавливать путем завоза животных с материка, и уже в 1927 г. первую партию из ста зверей из Печорских тундр перевезли на Новую Землю. Так возникли местный оленьсовхоз и опытное оленье стадо. В 1928 г. завезли уже партию одомашненных оленей с Колгуева примерно из 200 голов, которых содержали и выпасали на Новой Земле по аналогии со стадами на материке. В 1928 г. для разведок в районах промыслов впервые применили самолет «Юнкерс-13».

Но самые заметные сдвиги в охотничье-промысловом хозяйстве на Новой Земле начались с 1931 г., когда «новым

моторными лодками, ботами и карбасами, широкомасштабное освоение промысловых ресурсов восточного, карского, берега, был урегулирован вопрос о деятельности на архипелаге сезонных артелей рыбаков и охотников, приезжающих сюда лишь на время (июнь–сентябрь), а с 1926 г. их доступ на Новую Землю был прекращен, все охотники-промысловики вооружались трехлинейными винтовками и патронами к ним и т.д. Положительное влияние на развитие охотничье-промыслового хозяйства на Новой Земле и Вайгаче сыграли правительственное постановление «О порядке выезда на острова Северного Ледовитого океана» и утвержденные Архангельским губиспокомом «Правила поселения на островах Северного Ледовитого океана». Согласно этим документам, каждый переселенец, выезжающий на острова на срок не менее пяти лет, получал денежное пособие в 500 рублей, а постоянные жители Новой Земли освобождались от воинской повинности, в районах промыслов устанавливались жесткие сроки лова и охоты на морского зверя, рыбу и птицу, велась активная борьба с браконьерством. В 1925 г. открылись медицинские пункты в трех становищах – Малые Кармакулы, Белушья Губа и Крестовая Губа и школа-интернат для ненецких детей в Малых Кармакулах. Эта школа-интернат обслуживала все становища архипелага. Был разработан, принят и внедрен соответствующий природно-климатическим условиям норматив на сооружаемые на Новой Земле жилые дома, которые рубились и комплектовались на материке, а затем в

хозяйном» новоземельских становищ стало Главное управление Северного морского пути (ГУ СМП). Хотя в административном управлении с 1929 г. острова архипелага подчинялись специальному управлению Крайисполкома Архангельской области, все вопросы размещения новых становищ, промысловых пунктов, выбора новых мест промыслов, совершенствования способов добычи, снабжения и т.д. были возложены на Всесоюзный Арктический институт, островное отделение «Морзверпрома» и другие подразделения ГУ СМП, которые для решения поставленных задач могли привлечь любые другие организации и ведомства страны.

В этот период было решено несколько вопросов, обусловивших впоследствии многолетнее функционирование островного промыслово-охотничьего хозяйства на уровне «индустриального» производственного объекта.

Во-первых, было завершено создание целостной системы промысловых становищ. К уже существовавшим шести становищам в 1931 и 1932 гг. прибавились пять — Лагерное, Архангельская Губа (им. Смидовича), Русская Гавань, фактории Пахтусово и Литке. Теперь становищами было охвачено все баренцевоморское побережье и его основные районы промыслов. Структура каждого становища была единой и включала один-три, а в нескольких поселениях и больше (например, Лагерное и Белушья Губа), жилых дома, складские помещения для хранения продукции промыслов, баню, помещения для хранения инвентаря и моторов, вóроты для вытягивания кар-

басов и лодок на берег, хранилища горючего, запасов угля и дров. Жилые дома сооружались из бревен или бруса, имели печное отопление, несколько хозяйственных пристроек и были рассчитаны на одновременное проживание нескольких человек и даже семей. Позже, в наиболее крупных из поселений (Лагерное, Белушья Губа) появились дизельные установки, вырабатывающие электроэнергию, цеха по засолке рыбы, первичной обработке мяса, овощехранилища, морозильники и т.д. На карском побережье, где не было становищ, организовали две фактории — Литке (в заливе Литке) и Пахтусово (на островах Пахтусова), куда свозили свою продукцию охотники со всех промысловых участков восточного побережья.

Государственные инвестиции в развитие охотничье-промыслового хозяйства на Новой Земле в эти годы достигли огромных размеров. Так, лишь в 1935 г. на острова было завезено продовольствия и промышленных товаров на 1 млн 200 тыс. рублей (в ценах того времени), промыслового снаряжения на 227 тыс. рублей, морского парусного промыслового флота 29 единиц, из них моторных — 11, на 103 тыс. рублей и т.д. Капиталовложения составили на этот год около 505 тыс. рублей.

Совершенствовалась инфраструктура охотничьего хозяйства архипелага. К 1932 г. на Новой Земле имелись школа-интернат, больница, 4 фельдшерских пункта, ветеринарный пункт, шесть радиоустановок, кинопередвижка и т.д.

Во-вторых, вся территория островной суши и прилегающих прибрежных акваторий Карского и Баренцева морей была разбита на промысловые участки, которые закреплялись за отдельными становищами, артелями и бригадами.

Охотничье-промысловые угодья каждой бригады (или артели) включали гольцовые реки, олени пастбища, массовые скопления гаги, птичьи базары, районы концентрации морского зверя. Промысловики снабжались весельными и моторными лодками, ботами и карбасами, сетями, ружьями и боеприпасами. Завоз всего необходимого для жизнедеятельности становищ и функционирования охотничьего хозяйства, включая лодки, промысловые боты и горючее к ним, стройматериалы и т.д. был ежегодным и осуществлялся в течение всего времени навигации, вне зависимости от условий ледовой обстановки. При необходимости использовали и ледоколы для проводки судов. Одновременно, в обратном направлении шел вывоз продукции промыслов.

В ключевых точках промысловых участков ставились промысловые (становые) избы. К 1935 г. их было около 50 на западном берегу обоих островов Новой Земли, а также несколько на восточной стороне архипелага, куда с западного берега на сезон охоты на морского зверя, добычи пушнины и ловли рыбы забрасывались охотники, часто с семьями. Промысловые избы ставили обычно близ устьев рек, где шел промысел гольца (например, в устьях рек Савиной и Кумжи, на берегах заливов Абросимова, Брандта и Шуберта) или вблизи моржовых лежбищ (например, изба на берегу бухты Мурманца, в 2 км к западу от крупнейшего на Новой Земле моржового лежбища на острове Гемскерк).

Все промысловые угодья и участки охотники постоянно осматривали: ставили капканы на песца, добывали морского зверя (толены, нерпу, белуху), белого медведя, оленя, били линных гусей, собирали яйца на птичьих базарах. Для переживания непогоды и отдыха охотников во время пребывания на промысловых участках здесь сооружались небольшие развольные избы, рассчитанные на проживание одновременно одного-трех человек; они были удалены друг от друга на 20–30 км (расстояние однодневного перехода пешком или на собаках). В ходе многолетних исследований на Новой Земле были найдены немногие сохранившиеся до настоящего времени строения, объекты островного промыслового хозяйства —

жилые избы и хозяйственные постройки, целые поселки (например, фактория Литке на восточном берегу Южного острова и становище Русанова на юге Южного острова). Свободные от ледников территории архипелага были обустроены развольными избами, покрывавшими всю опромысляемую область архипелага. В систему охотничье-промысловых участков островного хозяйства была вовлечена даже такая самая, казалось бы, удаленная на север область Новой Земли, как Оранские острова. Здесь, севернее самого дальнего новоземельского становища, Русской Гавани, на одном из Больших Оранских островов в 1998 г. нами была найдена промысловая изба 1930-х годов, куда промышленники приходили на промысел моржа (лежбища животного располагались на соседнем с ним острове); кстати, над этими самыми моржовыми лежбищами находится один из крупных птичьих базаров, служивший объектом, откуда промысловики собирали гагачьи яйца.

В-третьих, в 1930-х гг. особое внимание уделялось повышению продуктивности естественных охотничье-промысловых угодий и увеличению объемов добычи.

Были изучены основные гольцовые реки и определены новые районы вылова гольца (реки карского побережья Южного острова — Кумжа, Савина, Абросимова, Красная и другие), широко использовался его лов забором. В этот период повсеместно применялись парусно-моторные и моторные шхуны и боты для добычи морского зверя на воде в прибрежной зоне островов. Получили дальнейшее развитие сбор гагачьего пуха, достигавший 300–500 кг в год, заготовка яиц колониальных морских птиц на базарах и гаги (до нескольких миллионов ежегодно), добыча белухи сетями в заливах и губах, песца на приваду капканами, применение ружей для отстрела морского зверя. Начался прибрежный лов трески на поддев, который вели промышленники становищ Белушья Губа, Малые Кармакулы и Лагерное.

В эти годы были обследованы основные районы выпаса оленя, его местная кормовая база, ресурсы и пути сезонных миграций, выявлены места расположения зимних и летних пастбищ. Продолжали функционировать оленьсовхоз и опытное оленье стадо. Но подобные меры по увеличению поголовья новоземельской популяции оленя не принесли желаемого результата; на архипелаг с материка по-прежнему завозили одомашненных животных, мало приспособленных к выпасу в условиях частых новоземельских зимних гололедиц, и среди них наблюдался значительный падеж в зимнее время. Более существенным для увеличения поголовья оленя на островах, ресурсы которого были резко подорваны почти 50-лет-

ним беспредельным отстрелом, оказалась такая мера, как временный полный запрет на его добычу.

В течение всей истории освоения ресурсов полярных морей русские промысловики и ненцы сосредотачивались только на относительно узкой полосе суши и прибрежных акваторий, общей шириной 20 км: тут была наибольшая концентрация морского зверя, объектов пушного промысла, водоплавающих и колониальных птиц, а в низовьях рек много рыбы. На эту область архипелага в течение нескольких столетий приходилась максимальная промысловая нагрузка. Охотничье-промысловое островное хозяйство включало три наиболее старых вида русских промыслов — моржовый, белужий (белуший) и тюлений, в которых участвовали в основном поморы, а также традиционные ненецкие — добычу тюленя, рыболовство, охоту на птиц и пушного зверя, сбор яиц. С добытых зверей сдирали шкуру и жир, которые привозили с промыслов на материк в сыром виде. Жир и сало складывали в специально приготовленные бочки, а шкуры засаливали. Добываемое на звериных промыслах Белого, Баренцева и Карского морей

сырье широко использовалось в Поморье, в деревнях и городах которого были салотопни и салогрейки, работали артели по выделке кожи, изготовлению ремней и обуви.

В отличие от русских промысловиков, которые вывозили объекты охоты и рыбной ловли для переработки и продажи на материк, ненцы добывали себе тюленей, пушных зверей, птиц и т.д. только для пропитания и бытовых целей (изготовления одежды, чумов и т.д.). На новоземельских промыслах охотились не более нескольких десятков ненцев. На островах они вели оседло-кочевой образ жизни с характерными для народов Севера приемами охоты.

При существовавшей организации промыслового хозяйства и сезонности охоты на пушных зверей и добычу морского зверя, ограниченном и непостоянном каждый год количестве охотившихся на промыслах русских и ненцев, значительной зависимости успеха промыслов от погодных условий и ледовой обстановки общего падения запасов биоресурсов до середины XIX в. не отмечено. В XVI в. из Кольского залива на промыслы к Новой Земле уходило по 30 и более людей в год, а в отдельные годы XVIII в. — более 300 судов. На тюленьих промыслах на одного артельщика приходилось по несколько десятков особей тюленей (до 120) и сотни моржей, а количество ежегодно добываемых белых медведей достигало нескольких десятков. На ярмарках в городах и поселениях Архангельской губернии (Архангельск, Мезень, Пустозерск и др.) уже в XVII в. собиралось много купцов, промышленников

и ненцев, торговавших жиром морских зверей, пушниной и «рыбьим зубом» (моржовыми клыками). Эти данные, конечно, не отражают полной картины эксплуатации биоресурсов архипелага, но никаких сведений об истощении запасов охотничье-промысловых объектов и гольца в реках нет.

При традиционной для поморов и ненцев организации охотничье-промыслового хозяйства наибольших объемов эксплуатации биоресурсов достигла в 60 годах XIX в. С 30 по 60 гг. этого столетия на архипелаге отмечены максимальные выловы гольца; ежегодный объем его изъятия достигал 48,4–81,0 тонн.

Со второй половины XIX в., с появлением в регионе норвежских охотников на морского зверя, влияние человека на охотничье-промысловые ресурсы региона еще более увеличилось, а характер их эксплуатации стал экстенсивным. В отличие от поморов и ненцев, норвежцы изымали как традиционные объекты новоземельских промыслов (морского зверя, пушнину, рыбу), так и яйца, пух, шкуры, шерсть и мясо оленей, белых медведей, птиц, отлавливали живых белых медвежат для зоосадов, зоопарков и цирков. Норвежские промышлен-

ники проникали в недоступные ранее районы (на карское побережье и в Карское море), освоили значительную часть ареала русских промыслов на баренцевоморской стороне архипелага, а к концу 20 годов XX в. охотились вплоть до широты п-ова Адмиралтейства (74° 30' с.ш.) и даже у мыса Желания. В этот исторический период численность российских подданных на новоземельских промыслах в каждый из промысловых сезонов была во много десятков раз ниже (не более 8–10 судов и до 15–30 промышленников). Их суммарная добыча за промысловый сезон не превышала объемов промыслов и прибыли всего нескольких норвежских судов.

Интенсивная эксплуатация промыслов при отсутствии норм изъятия биоресурсов привела к существенному подрыву запасов морзверя и рыбы. Стали характерны межгодовые колебания объемов промыслов. В 90 годах XIX – начале XX вв. стала типичной ситуация, когда в течение нескольких лет подряд уровень вылова рыбы не превышал 1,4–6,5 т, затем следовали «урожайный год» (добывалось до 15,7–16,1 т) и снова падение объемов отлова гольца. Дальнейшее увеличение антропогенных нагрузок на охотничье-промысловые ресурсы региона началось с 1920–1930-х годов, когда островное хозяйство получило централизованную финансовую и организационную поддержку от государства. По данным Государственного архива Архангельской области и опубликованным материалам в 1920 – начале 1930-х годов оседлые охотники и артельщики добывали на Новой Земле за промысловый сезон (в т): звери-

ного сала — 2,5–96; гольца — 2–50; шкур (шт.): нерпичьих — до 400, морского зайца — до нескольких десятков тыс. (всего морского зверя только с одного становища — до 1 тыс. особей), моржа и белого медведя — до нескольких десятков тыс., песца — до 3 тыс., оленя — по 0,3–3,2 тыс.; яиц — 5–50 тыс. и гусей — до 1,5 тыс.; гагачьего пуха от 90 до 480 кг.

С 1926 г. характер эксплуатации охотничье-промысловых ресурсов региона резко изменился, он стал круглогодичным и проводился уже только оседлыми промысловиками. Численность населения возросла до 200–500 человек, как и доля среди него промысловиков, были созданы артели — основа инфраструктуры островного хозяйства, организованы больше десяти становищ (базовых пунктов) с постоянным населением промысловиков, проживающих тут с семьями, до 30 промысловых пунктов, центрами которых были стантовые избы (сюда из становищ на промысловый сезон уходили охотники-зверобои), территория архипелага поделена на промысловые участки, открыты фактории (Литке и острова Пахтусовы). Ежегодно для изучения промысловых ресурсов на архипелаг и в омывающие его моря отправлялись специальные морские и сухопутные экспедиции, целями которых были определение мест концентраций промысловых объектов, их запасов, перспектив расширения угодий, увеличения объемов добычи морского зверя и пушнины. Получили поддержку идеи повышения продуктивности местных угодий и создания окультуренных птичьих хозяйств (в частности, гагачих и кайровых), организации мясозаготовок гусей и уток, первичной консервации мяса дичи и другие, подкормка песца отходами летних промыслов морского зверя и оленя. Широко осваивались ранее недоступное карское побережье, Северный остров архипелага и удаленные участки морских акваторий. В эксплуатацию включались и другие объекты биоресурсов, например, широко практиковалось изъятие яиц колониальных птиц (до нескольких сотен тысяч для каждого из видов в промысловый сезон), лов трески в прибрежных водах.

В 1930–50 гг. с Новой Земли за один охотничье-промысловый сезон вывозилось до 3 млн яиц и 0,5 млн тушек птиц, причем уровень заготовок яиц на одной колонии доходил до 300 тыс. и более, а тушек птиц — до 10 тыс. и более, общая добыча гагачьего пуха на архипелаге достигала 1,5 т. Отстрел гусей и казарок сохранялся на уровне 500–600 особей для охотничьего участка, закрепленного за каждым становищем. Объем промысла песца доходил до 3 тыс. за один охотничий сезон, оленей отстреливалось до одной-двух сотен. Добыча морского зверя (тюленей, белухи, нерпы, морского зайца) в заливах, бухтах и открытых участках морских акваторий продолжалась в тех же объемах, что и в 20 гг. Ежегодно на фактории, в заготконторы и на суда-снабженцы промысловиками, артельщиками и работниками полярных станций сдавалось по 0,13–3 тыс. шкур моржей, тюленей, нерп и белух, по 10–40 т жира, 10–50 т соленого гольца, 20–70 т трески. Кроме всего прочего, отстреливалось по 25–50 особей белого медведя и отлавливалось по несколько белых медвежат.

Последствия широко масштабной и ежегодной эксплуатации промысловых ресурсов архипелага, Баренцева и Карского морей начали сказываться на их запасах в последней трети XIX в. Но особенно резко результаты интенсивной добычи морского зверя, птицы и рыбы стали заметны в XX в. Значительные для этого региона объемы изъятия поголовья животных уже не покрывались естественным приростом их популяций. Видимо, последствиями истощения охотничье-промысловых ресурсов в восточной части Баренцева региона следует объяснять их низкие объемы добычи в 30–50 гг., близкие к показателям второй половины XIX — началу XX вв. И это несмотря на то, что именно во время существования на островах организованного охотничье-промыслового хозяйства число промысловиков и объе-

мы финансовых вложений по оживлению и индустриализации новоземельских промыслов было наибольшим за всю его историю, а их техническая оснащенность наилучшая.

На состоянии запасов гольца в реках архипелага неблагоприятно сказалось многолетнее использование одних и тех же рек и мест облова с применением метода сплошного переграживания устьевых участков забором и сетями. Уже с 70-ых годов XIX в. по этим причинам поморы-промышленники и ненцы отмечали резкое сокращение уловов гольца и измельчение рыб. После резкого снижения его вылова в течение нескольких лет подряд промысловики договаривались о временном (на 1–3 года) прекращении промысла. Но и затем сохранялись низкие уловы и продолжалось их дальнейшее падение. Практически не дали эффективных результатов рекомендации специально проведенных для оценки запасов гольца экспедиций в 30 годах XX в. и выделение новых промысловых участков на ранее не облавливаемых реках. Уже к концу 40–50 гг. XX столетия резко сократилась численность белых медведей, хотя тенденция падения их добычи была замечена еще в 30 гг., когда отстрел зверей был резко ограни-

чен. Эксплуатация на протяжении ряда лет одних и тех же колоний птиц и птичьих базаров без учета особенностей размножения и воспроизводства популяций привела в середине — конце XX в. к резкому падению численностей толстоклювой кайры (в 5–200 раз). Часть ее колоний вообще исчезла. На состоянии популяций этого промыслового вида сказалось и обеднение кормовой базы (перелов сайки и молоди трески в Баренцевом море). Одновременно подорванной оказалась и численность обычной и массовой в регионе гаги обыкновенной. Произошло существенное падение численности черной казарки, а в тех районах, где раньше шел ее промысел, она уже не встречается. Аналогичная картина характерна для популяций белолобого гуся. Из морских млекопитающих в результате эксплуатации местных промыслов и глобальных экологических перестроек на грани исчезновения на архипелаге и в акваториях омывающих его морей находились атлантический морж, нарвал и гренландский кит. В результате перепромысла в 30 годы XX в. почти полностью исчез дикий олень, поскольку его отстреливали беспределно. Степень нанесенного новоземельской популяции дикого северного оленя ущерба была настолько велика, что охотники Новой Земли в 1928 г. обратились с просьбой о запрещении забоя в течение пяти лет на всей территории, и такая мера была введена. Но и через пять лет численность его популяций не была восстановлена. Не помогла организованная государством попытка завоза с Кольского полуострова на Новую Землю сотен домашних

олений, которые погибали от бескормицы в зимний гололед. Запрет на отстрел оленей был оформлен государственным актом и сохранялся до конца 30 гг.

Все эти причины привели к тому, что с 50–80-ых гг. XX в., как и по всей Арктике, в регионе были запрещены добыча и отстрел в промышленных, коммерческих и спортивных целях многих представителей охотничье-промысловой фауны. Скорее по инерции, а не по знанию, 15 видов фауны региона в 1980-х годах оказались занесены в Красные книги МСОП, СССР, РСФСР и России как редкие и исчезающие (белый медведь, атлантический морж, хохлач, нарвал, высоколобый бутылконос, гренландский кит, горбач, северный синий кит, северный финвал, сейвал, новоземельский северный олень, белошекая казарка, малый лебедь, сапсан, белая чайка). Этим мероприятием научная общественность хотела сохранить генофонд уникальной арктической фауны.

Но как эти природоохранные мероприятия сказались на состоянии краснокнижных и иных промысловых видов на Новой Земле, невольно ставшей с 1954 г. строгим резерватом, где «навечно» утвердились военные? Сложилась пара-

га (до мыса Желания). Учитывая низкую емкость оленьих пастбищ на архипелаге, примерная численность новоземельского северного оленя приблизилась к критической отметке, к 6–8 тысячам голов. Такая перенаселенность грозит массовым падежом в зимнее время, ведь в этот период года пастбища могут прокормить только не более 2–3 тысяч животных. Возможный выход видится в организации строго контролируемого отстрела, но эта мера входит в противоречие со статусом местного оленя, «обитателя» Красной книги. Назрел вопрос о переводе новоземельского северного оленя из Красной книги в разряд вида, численность которого должна регулироваться иным научно-обоснованным законом. Иначе островная популяция этого географического изолята может начать «сама себя регулировать изнутри» — возможны эпизоотии, паразитарные болезни, падеж от голода.

Благополучным следует считать и положение белого медведя на архипелаге. «Невольный» полувековой запрет на его отстрел, а он начался задолго до официального «вхождения» белого медведя в Красные книги, привел к тому, что сейчас этот зверь обычен повсеместно на Новой Земле. В 1995 и 1996

доксальная ситуация. Режим Центрального полигона РФ, который простирается почти на весь архипелаг, за исключением его самых крайних южных и северных территорий, явился надежной охраной природных комплексов Новой Земли, характерными компонентами которых являются и все краснокнижные, и ранее промысловые виды. И они благоприятно сказались на состоянии всех животных, ареал которых ограничен этой областью Арктики.

Так, например, по экспедиционным исследованиям в 1994–1998 гг. достоверный ареал моржа на исходе текущего столетия охватывал уже весь Северный остров. Здесь морж был отмечен в прибрежной зоне Баренцева и Карского морей — от залива Русская Гавань до залива Ледяная Гавань, причем тут ныне известны два крупных лежбища (на Оранских островах и острове Гемскерка) с общей численностью животных до нескольких сотен особей и немногочисленные временные залежки мигрирующих зверей. Крайняя южная точка ареала новоземельской популяции моржа — мыс Лагерный, в западном устье пролива Маточкин Шар, где на залежки скапливаются до нескольких десятков зверей.

Ныне при отсутствии промыслового отстрела восстановилась численность новоземельского северного оленя, и его островная популяция находится в благополучном состоянии. Мигрирующие стада (по несколько десятков и даже до полутора сотен особей) и отдельные особи отмечались автором в 1994–1998 гг. вплоть до самых северных пределов архипела-

га. автору посчастливилось наблюдать его почти ежедневно, да еще не в одном «экземпляре», во время многодневных маршрутов по северу архипелага, на восточном берегу Южного и Северного островов, где летом и молодые, и взрослые особи «с удовольствием» охотились на идущих на нерест гольцов, и эти картины их «рыбной ловли» напоминали знаменитые и уже расхожие съемки охоты гризли или камчатских медведей на лососей. На местах базирования экспедиции на карском берегу, на мысе Вишневого и в заливе Литке, с одной точки приходилось учитывать сразу по 4 медведя, наблюдать и загонную охоту хищников на стада оленей. Белый медведь стал обычным и назойливым посетителем поселка Белушья Губа на Южном острове, где его «настойчивость», как и везде в Арктике после десятилетий охраны, создает массу проблем, прежде всего связанных с безопасностью населения.

Конечно, на фоне этих положительных моментов восстановления былого богатства и численности новоземельской фауны состояние популяций широко мигрирующих видов, таких, как птицы и киты, выглядит менее благополучным. Кроме антропогенного пресса на самом архипелаге на протяжении столетий, на них отрицательное влияние оказывали и продолжают влиять последствия негативных глобальных процессов — переувлов рыбы в Северной Атлантике и западных частях Баренцева моря, неблагоприятные условия на зимовках в Южной Европе, Средиземноморье и на севере Африки, общее загрязнение морской среды и т.д. 🐻